

Фёдор МИРОНОВ (1908–1990)

2 мая. 115 лет со дня рождения журналиста, очеркиста, драматурга Фёдора Ефимовича Миронова (02.05.1908, с. Чириково, ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 29.10.1990, г. Оренбург). С 1930 года, после окончания Советской партийной школы в Ульяновске, жил в Оренбурге. Работал редактором газет «Сталинец» и «Большевицкая смена», собкором «Правды» и «Советской России», председателем радиокомитета, возглавлял писательскую организацию области, был начальником управления по охране государственных тайн в печати. Автор книг «О Чебыньковском зерносовхозе» (1950), «Путь к победе» (1957), «Большая дорога» (1959). Пьеса «Родники» (1960) шла в Оренбургском театре драмы.

ТРЕВОЖНЫЕ СУТКИ (отрывок из очерка)

Начинался сентябрьский день...

Замаскировавшись в прибрежном кустарнике, Горбунов наблюдал за противником. Ещё перед тем, как прийти сюда, он обо всём передумал, всё решил. Третий год шагал Илья Горбунов по дорогам войны. Всегда лез в самое пекло боя. Не раз, заменяя убитых командиров, водил в атаки и взвод, и роту. Но никогда он не задумывался так тревожно, как задумался теперь, когда ещё раз не по приказу, а по собственной воле поставил свою жизнь под удар.

Многое вспомнилось, но чаще всего в памяти всплывал один эпизод. Был пасмурный, придавленный дождевыми облаками осенний день первого года войны. Около грузовой автомашины, подрулившей к правленческому зданию, собрались и стар и мал. Провожали его, председателя грачёвского колхоза имени Кирова, на фронт. Когда машина тронулась, в несвязный, приглушённый говор и тихий женский плач ворвался бодрый голос восьмилетнего Вовки:

– Пап, убьёшь фашиста, сразу домой ехай. Ружье мне не забудь, на охоту с тобой пойдём.

Горбунов печально, как и в тот пасмурный день, улыбнулся одними лишь глазами: «Ах, Вовик, Вовик, не знаешь ты, как ещё далеко мне до дома».

Дивизии предстояло форсировать Днепр. Форсировали две группы добровольцев по двадцать человек. Перед ними ставилась смелая и рискованная задача: под прикрытием ночной темноты скрытно переправиться на лодках через реку, внезапно

ударить по противнику, захватить плацдарм и удерживать его до переправы основных сил дивизии. Весь личный состав дивизии знал, как основательно укрепился противник на том берегу. Каждый воин представлял себе всю опасность переправы с передовым отрядом. Несмотря на это, добровольцев оказалось больше, чем требовалось. В их числе были сержант Горбунов и командир взвода Диртев.

Кого назначить командирами групп? Выбор командира дивизии остановился на Горбунове и Диртеве. Оба они вместе с дивизией прошли боевой путь от Москвы до Днепра. Оба отличались бесстрашием и хладнокровием, умением не теряться в самой сложной обстановке, готовностью пойти на самопожертвование, если того потребуют интересы боя. Но знал командир дивизии и другое: у Горбунова остались дома четверо ребят, один другого меньше. Вчера, вызвав к себе сержанта, он объявил, что предоставляет ему право отказаться от участия в операции. Горбунов ответил:

– Товарищ генерал, я готов выполнить боевую задачу.

Генерал тепло улыбнулся, затем приказал ему и Диртеву тщательно изучить путём наблюдения систему обороны и огня противника.

С той минуты прошло немногим более суток... Сняв стереотрубу, Горбунов возвратился на поляну. В траве, положив руки под голову, спал Диртев. Не хотелось прерывать сон товарища, и сержант, пригибаясь, начал собирать ромашки, полюбившиеся

ему с детских лет своей неувядаемой красотой даже в пору глубокой осени. Но обострённый слух Диртева уловил шорохи.

– Полный порядок, – поспешил Горбунов успокоить товарища и, застеснявшись своего, как ему казалось, неуместного занятия, добавил:

– Думал, ты спишь.

– У нас в Татарии каких только цветов нет! Бывало, пойдёшь в лес...

Диртев не закончил – прошуршала мина, разорвалась на противоположной стороне поляны...

По дороге в штаб говорили о том, что удалось увидеть, уточняли отдельные детали в

расположении противника, спорили о системе огневых точек на тех участках обороны, которые плохо просматривались.

После обеда всем воинам групп было приказано спать. Горбунов лежал с открытыми глазами, думал: не упустил ли что-либо в подготовке группы, всё ли предусмотрел. Он ещё и ещё раз критически оценивал обстановку, воздвигал самые различные осложнения, заранее искал нужные решения.

Не успел додумать до конца, как ординарец комбата принёс письмо. Письмо было от жены, Марии Григорьевны, на трёх страничках, вырванных из ученической тетради...

